

УДК 801.81

ДУХОВНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ЗАПИСЯХ ФОЛЬКЛОРА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

ГОЛОВАНОВ Игорь Анатольевич,
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
и методики обучения литературе,
Челябинский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению базовых констант традиционной духовной культуры, получивших отражение в современных текстах фольклорной прозы. Автор выделяет и обосновывает значимость для русского сознания трех важнейших аксиологических констант: соборности, софийности и справедливости. В центре внимания настоящей статьи находятся особенности репрезентации в уральском сказочном фольклоре древнейшей из названных констант – константы соборности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, духовные константы, русское национальное сознание, соборность.

GOLOVANOV I.A.,
Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of Literature
and Literature Teaching Methods,
Chelyabinsk State Pedagogical University

SPIRITUAL CONSTANTS OF THE RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS IN FOLKLOR RECORDINGS IN THE XX–XXI CENTURIES

ABSTRACT. The article is devoted to analyzing basic traditional constants in spiritual culture, which are reflected in modern folklore prose texts. The author highlights and explains the importance of the three main axiological constants for the Russian consciousness: conciliarity, Sophian Tradition and justice. Special features of representation of the most ancient among the three constants, the constant of conciliarity in the non-fairy tale folklore of Ural region, are the key issues of the article.

KEY WORDS: folklore, spiritual constants, Russian national consciousness, collegiality.

Национальная культура является сложной системой, в ее основе лежат базовые, стержневые принципы, которые и определяют ее своеобразие.

Знание этих ключевых принципов обеспечивает полноценный диалог культур: диалог, а не диктат, как это зачастую происходит в конце XX – начале XXI веков. В истории социокультурного развития России есть немало примеров, свидетельствующих о том, что разрушение ценностного ядра культуры, насильственное внедрение ценностей других культур ведет к глубокому духовному, общественному кризису, разрушению социальных институтов, морально-нравственных норм. Сегодня ситуация усугубляется фактическим забвением, замалчиванием проблем самобытных черт русской духовной культуры. В этом мы видим актуальность и значимость поднятой темы.

Культурными константами могут считаться такие черты национального сознания, которые присутствуют на протяжении длительных исторических периодов развития во всех социальных слоях общества в единстве признания их ценностями. У каждой культуры есть некий собирательный образ, в концентрированном виде отражающий устремления и идеалы данной культуры. Это ценностное ядро остается постоянным на протяжении длительного периода, изменяется лишь иерархия, степень значимости входящих в него ценностей. Актуализация этнокультурных констант является одним из

важнейших условий сохранения национальных культур.

Важно не только выявить черты национального сознания, но и показать формы его воплощения в языке и фольклоре, поскольку именно сохранение, а также развитие и трансляция данных форм будет способствовать жизнеспособности нации.

В центре внимания настоящей статьи – базовые константы традиционной духовной культуры, воплощенные в прозаических текстах русского фольклора и представляющие собой результат духовного поиска русских людей. Под константами, вслед за Ю.С. Степановым, мы понимаем устойчивые концепты культуры [1], которые в нашем случае транслируются от поколения к поколению через фольклорные произведения. Благодаря стабильности традиционного мировоззрения, сохранению и трансляции этнических ценностей обеспечивается устойчивость существования общества.

Как отмечает М.С. Каган, «поведение и деятельность человека не запрограммированы генетически, не транслируются из поколения в поколение стойким наследственным кодом и не передаются поэтому каждому индивиду императивно, от рождения, через ансамбль управляющих его активностью инстинктов, а направляются прижизненно приобретаемыми индивидом потребностями, способностями и умениями, опосредуемыми опытом предшествующих поколений и его собственным» [2, с. 71].

Именно этот опыт предшествующих поколений в рамках определенной этнической культуры зафиксирован в фольклоре. Через фольклорное сознание (подробнее см.: [3]), которое приобщает людей к духовному опыту этноса, формируются необходимые каждому члену сообщества качества.

Центральной проблемой фольклора является соотношение «человек – мир», к анализу которого народное сознание подходит с точки зрения коллектива, социума. Как писал В.Е. Гусев, в центре образного моделирования действительности в фольклоре оказывается то, что «за затрагивает интересы не отдельно взятой личности или выделившейся из общего группы, а непременно всего коллектива как целого» [4, с. 219].

Взгляд на фольклор через важнейшие константы традиционной культуры позволяет увидеть его системообразующие основания. В русском фольклоре эти основания возможно представить в виде пяти констант – наиболее устойчивых, постоянных, пронизывающих все жанры ментальных «русел», матриц, программ: двух онтологических и трех аксиологических [5].

Онтологические константы – пространство и время – служат для структурирования мира, концептуализации и категоризации его составляющих. Они выполняют важнейшую для существования человека ориентирующую функцию. Аксиологические константы служат для «очеловечивания» мира, наделения его смыслами. В русском фольклоре реализуются три аксиологические константы: соборность, софийность и справедливость.

Первая константа – соборность – состоит в понимании единства человека и мира, его причастности к миру природы, миру людей и миру смыслов. Соборность наделяет часть целого смыслом целого. Путь к соборности как согласованности индивидуальных сознаний лежит не в последовательном научении, а в нравственном очищении. Другими словами, для русского фольклорного сознания значительно важнее не познание мира, а понимание его, органическая причастность к нему.

Софийность представляет собой сложный комплекс трех взаимосвязанных сущностей: Любовь, Красота и Добро. Любовь выполняет в этом триединстве синтезирующую и одухотворяющую функцию, она служит источником видения Красоты. Красота и Любовь, связанные вместе, рождают желание творить Добро. Все три сущности переплетены, взаимосвязаны и взаимообусловлены, их единство соответствует народному пониманию Мудрости (отсюда – софийность). Выделенность такой ценностной доминанты, как Красота, в составе рассматриваемой константы соотносится с созерцательным типом мышления, присущим носителям русского языка и культуры. Созерцательность в русском сознании оценивается выше прагматичности, под которой понимается стремление к расчетливости, получению материальной выгоды. Созерцательность позволяет достигнуть внутреннего покоя, необходимого для размышлений о мире. Не случайно в фольклоре русский человек предстает как человек думающий, рефлексирующий над собой и миром. Его волнуют проблемы сущности мира, смысла жизни, смысла существования человека.

Справедливость – константа осмысления отношений «человек – мир», имеющих ключевое значение для фольклорного сознания. Она организует понимание места отдельного человека в мире людей, оценки миром его деятельности. Это образное

преломление представлений о Добре и Зле. Поиски правды как совершенного состояния человека на земле, борьба правды и кривды составляют стержень многих фольклорных сюжетов. В несказочном фольклоре константа справедливости репрезентируется двумя основными образами – «народного заступника» и «царя-избавителя», а также серией мотивов, группирующихся вокруг них.

Остановимся более подробно на первой из названных констант, выясним особенности ее репрезентации в современной несказочной прозе на материале записей уральского фольклора.

По мнению ряда авторитетных ученых, соборность выступает одной из древнейших объединительных черт славянского мира (см. труды академика И.В. Ягича, монографические исследования В.В. Колесова, Л.В. Савельевой и др.). Соборность предстает как объединение и воссоединение разнородного, единство во множестве. Носитель фольклорного сознания не противопоставляет себя миру, не возвышается над миром и не выделяет себя из него. Думается, что именно эта константа способствовала формированию хорowego, или симфонического (Л.П. Карсавин), начала русской культуры.

Нельзя обойти вниманием вопрос о соотношении в понятии «соборность» христианского и народного начал. Характер этого соотношения чрезвычайно сложен, неоднозначен. Философ и культуролог Б.В. Емельянов пишет: «Подытоживая результаты перехода к православному типу ценностных ориентаций, можно утверждать, что в нем действовали три фактора: византийское православное христианство, славянское язычество и русский национальный характер, который по-своему воспринял и переработал православно-христианские ценности <...>. В России православие традиционно стремилось дать общую программу действий, сверхцель всем людям, независимо от звания, знатности, богатства, национальности или возраста» [6, с. 5]. Чувство общности всех людей, несмотря на их национальную принадлежность, способствовало формированию свободомыслия, а также открытости к иным культурам.

Дать исчерпывающий анализ проявлений константы соборности в фольклорных текстах не представляется возможным – она разлита, растворена в них в силу своей универсальности, а потому остановимся лишь на отдельных мотивах, в которых ярко выражена данная константа.

В уральской несказочной прозе значительную часть составляют произведения, повествующие о начале заводов, шахт – объектов, с которыми была тесно связана трудовая жизнь народа. Один из традиционных мотивов, который воспроизводится в подобных преданиях – мотив строительной жертвы, или «заложеной головы». Данный мотив отражает взгляд на жизнь отдельного человека с позиций общественного, соборного сознания: добровольное принесение в жертву человеком своей жизни ради общего блага признается значимым и социально одобряемым.

Наиболее отчетливо представление о добровольности жертвы проявляется в предании, записанном фольклорной экспедицией ЧГПУ в 1996 году: «В эти места пришли люди и решили строить завод. <...> Три раза строили плотину и три раза ее уносило. Вот тогда-то и пошел слух, будто человеческая голова нужна, чтобы плотину не смывало. Старухи-кликухи разнесли, что непременно человеческая голова нужна, и девичья – на особицу. <...> Была у нас на заводе девушка Федосья-красавица.

Наговорили ей старухи о слухах, и решила Федосья помочь людям» (зап. А. Огаровой в пос. Строителей г. Златоуста от З.А. Калетинской).

Идея соборности реализована также в фольклорных повествованиях о монашеских общинах, например, в текстах о монахе Долмате, основателе Далматовского Успенского мужского монастыря. Сведения об этом монахе и его монастыре прочно вошли в фольклорное сознание, благодаря чему получили отражение в научно-этнографических статьях. Так, в работе М.Ю. Нечаевой об уральских монастырях приводится следующая легенда о Далмате: «В 1644 году на пустынные земли на реке Исети пришел монах Далмат. Раньше он жил в другом уральском монастыре, Невьянском Богоявленском, был почитаем за свою набожную и строгую жизнь, и его даже хотели выбрать строителем, то есть начальником. Предание гласит, что Далмат не пожелал такой должности и в поисках уединения ушел оттуда. Земли, где поселился монах, принадлежали татарину Илигею, но сам он их не использовал, а сдавал в аренду русским людям, занимавшимся промысловой деятельностью. Промысловики, узнав о появлении монаха и о том, что к нему начинают приходиться другие монахи и миряне, желавшие вести такую же благочестивую жизнь, подговорили Илигея с его сородичами изгнать их. Татары-кочевники дважды нападали на монашескую общину. По преданию, во время второго столкновения Илигею было видение Богоматери, запретившей трогать иноков. Вняв ему, Илигей оставил в покое монахов, позволил жить на своих землях и даже подарил Далмату кольчугу и шлем-пишак» [8, с. 81].

В этом повествовании рассказ о монастырской общине актуализирует важную для фольклорного сознания идею сопричастности. Члены общины воплощают ее самим своим бытием, каждодневным трудом на общее благо. Именно идея единства как идеал жизни и помогает им не только преодолеть каждодневные трудности, но и защитить себя от внешних посягательств.

В наших записях есть также ряд внутренне связанных между собой легенд о городе Кыштыме Челябинской области, в которых также реализована идея соборности. В одной из легенд рассказывается о событиях, предшествовавших основанию города. По фольклорным представлениям, Кыштым основал один из Демидовых, именно он и выбрал место для города. По легенде, Демидов «остановился на ночлег и велел срубить самую большую сосну для обеденного стола». Отдав должное телесному, основатель обращается к заботам о высоком, духовном и приказывает «на месте, где была срублена сосна, построить церковь» (архив ЧГПУ; зап. М.М. Радаевой в 2007 году в г. Кыштыме от П.С. Бызгу, 1990 г.р.). Идея понятна, ведь храм Божий строят для того, чтобы туда приходили люди, ощущали свою общность, единство с Богом, гармонизировали себя в соответствии с высокими помыслами и праведно жили.

Именно поэтому, когда в другом повествовании рассказывается о метеорите, который якобы падал на Кыштым, говорится, что на город «он не упал – церкви стояли крестом. Он несколько лет держался над нашим городом, но так и не упал. Крест не дал ему на нас упасть» (архив ЧГПУ; зап. М.М. Радае-

вой в 2007 году от Е.Д. Пановой, 1995 г.р.). Сила креста не могла бы распространиться на город, если бы его жители были разобщены, жили не в соответствии с заповедями человеческими и Божьими. Такова мысль, стоящая за этими повествованиями. Обращает на себя внимание, что в обоих случаях информанты – школьницы. Естественно, что традицию они переняли от старших, от своих духовных наставников. Следовательно, она существует, не иссякла.

В другом предании, примыкающем к рассмотренным выше, со всей определенностью говорится о значимости преемственности традиций: священники во время Гражданской войны стремятся сохранить школу как место передачи знаний и духовных ценностей. «Когда хоронили какого-то священнослужителя, рыли ему могилу, это же все на территории церкви происходит, они нашли школу. Стали в архивах выяснять, оказалось, что когда при Гражданской войне церкви стали закрывать, то вот эту школу священнослужители зарыли, и она сохранилась» (архив ЧГПУ; зап. С.С. Романовым в 2007 году в г. Кыштыме Челябин. обл. от Е.Д. Пановой, 1995 г.р.).

С точки зрения носителей фольклора, Бог никогда не оставлял этот город. «Одна прихожанка рассказала, что ей прабабушка рассказывала, что заставляли их забелить. Вот они забелили, придут на второй день, опять это все проясняется. Понимаете, лики, это все. И потом все-таки неделю они ходили, ежедневно забеливали, и все равно никак не забеливалось... Это с Божьей помощью. Господь не допускал, чтобы забелено было. Да и они заштукатуривали вот таким слоем» (архив ЧГПУ; зап. Т.М. Романовой в 2007 году в г. Кыштыме Челябин. обл. от П.Е. Гавриловой, 1937 г.р.).

Несмотря на все гонения на церковь в прошлом, ангелы не оставили жителей города без своего покровительства. «Только в прошлом году, на большой праздник... У нас певчих нет, не на что принимать нам. И потому мы вечером службу не вели накануне большого праздника. Вот приехали у нас из Озерска. Мы ушли, закрыто все было. Приехали прихожане, потом они нам объясняют: "Вот, – говорят, – заходим в храм, вот поют, вот поют и все. Стучим-стучим, вот никто... Кругом обошли. Нет никого...", – а это все-таки... ангелы. Все равно большой был праздник. В этот год не служили, мы не могли, возможности у нас такой не было... Вот такой случай. Все-таки они, ангелы, присутствовали в храме» (зап. Т.М. Романовой в 2007 году в г. Кыштыме от П.Е. Гавриловой, 1937 г.р.).

Таким образом, соборность – это часть естественной жизни русского человека, которая помогает ему и в простых бытовых вещах, и в сложных, в понимании высокого, горнего мира. В этом образе жизни – мудрость народная, только так можно сохранить себя, свой род, семью и в прошлом, и в настоящем.

Проведенный анализ реализации национальных констант в современных записях фольклора дает представление о значимости данных категорий для художественного осмысления действительности и ярко демонстрирует адекватность обращения к фольклору как «запечатленному сознанию нации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
2. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. – 544 с.
3. Голованов И.А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности / И.А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22. – С. 43–47.
4. Гусев В.Е. Эстетика фольклора / В.Е. Гусев. – Л. : Наука, 1967. – 320 с.
5. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И.А. Голованов. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – 251 с.
6. Емельянов В.В. Русская культура: мир ценностей и святынь / В.В. Емельянов // Святыни и ценности культуры Урала : сб. материалов Первого Славянского науч. собрания. – Челябинск : ЧГАКИ, 2004. – С. 4–10.
7. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
8. Нечаева М.Ю. Уральские монастыри / М.Ю. Нечаева // Духовная культура Урала. – Екатеринбург, 1998. – С. 79–96.
9. Савельева Л.В. Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении / Л.В. Савельева. – Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 1997. – 144 с.